

Павел Пономарев

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Каждое утро Митяй просыпался с мыслью о новом колесе для мопеда. Он поднимал голову, оглядывал блеклую муть вечно запущенной комнаты с запахом несвежего супа, тянулся отлежанной рукой к пустой пачке сигарет и, убедившись, что сигарет там действительно нет, привычно говорил:

— Ма, ты спишь? Ма, дай денег на колесо. Ма...

Ма уже не спала, лежала на кровати и думала: почему ей досталась столь незавидная бабья судьба с залетом в семнадцать лет, с рано умершими родителями, с опостылевшей коммуналкой, в которой постоянно менялись жильцы (и она завидовала тем, кто скапливал на квартиру и исчезал навсегда); с инфантильным сыном, которого она не смогла когда-то воспитать, увлеченная недолгими связями, с нелюбимой работой и драными колготками — почему?..

— Ма, дай денег, все равно ведь найду, — негромко, почти нежно молвил Митяй, щурясь на майское солнце.

Ему, двадцатилетнему парню, не было стыдно за это попрошайничанье. Клянчить деньги на колесо было так же естественно, как когда-то, в младенчестве, просить у матери грудь или подростком, прибежав голодным из школы, требовать «есть че пожрать» и «на сигареты». Мать есть мать, она не откажет.

— Ма, я знаю, что ты не спишь. Дай денег.

— Иди, заработай, — слабо откликнулась мать, ворочаясь за искусственной перегородкой, отделявшей мужское пространство от женского.

— Заработаю. Ты ща дай, — не сдавался Митяй.

После школы Митяй поступил в городскую «фазанку». Подростком он мечтал стать музыкантом, неплохо играл на гитаре и грезил о музыкальном училище. Но мать, угнетенная жизненным опытом, воспротивилась этому, сказав, что музыкой сыт не будешь, и велела идти учиться на электрика.

В «фазанке» Митяй осознал жестокую случайность появления его в нелепом мире, и музыка в душе подростка угасла. По природе своей он был добряк и мечтатель, но приходилось подавлять эти качества в новой среде, строго делившейся на «правильных пацанов» и «лохов». С «правильными» водиться было хоть и почетно, но страшно. Неизвестно, когда «правильный» залепит тебе по морде, — тогда ли, когда у него дурное

настроение и кулак блуждает в поиске жертвы, или же, когда лыбясь, он хочет пожать твою податливую руку. С «лохами» нельзя было водиться по определению. Хотя к ним нередко относились те самые, близкие по духу, ревнители музыки.

Три года в «фазанке» ожесточили Митяя и подготовили к жизни в нелепом мире. Он научился не доверять людям, определять фазу в проводке, красть ценный кабель и сдавать его барыгам, а еще у него появилась неудержимая страсть к мотоциклам.

— Ма, дай денег. Ма, у тебя суп пропал. Воняет, ма... — говорил Митяй и на следующее утро.

Ночью Митяю приснился странный сон. Будто отец, которого он никогда не видел, — молодой крепкий мужчина с короткой прической, в черных лакированных туфлях и темных очках, — повел его, еще мальчика, в парк на чертовое колесо. В руках Митяя таяло мороженое, но ему почему-то не хотелось его есть, а хотелось смотреть на отца и говорить с ним. Но отец молчал и улыбался своей странной, скуластой улыбкой. Они медленно поднимались все выше и выше. Ветви тополей были совсем рядом, так что можно было коснуться их рукой, но Митяй этого не делал, а только смотрел на отца. Мальчику нравилась отцова улыбка, но не нравились темные очки, прятавшие глаза, в которые так хотелось заглянуть... Они поднялись на самую высоту, где кажется, что колесо замерло, остановилось, и делается страшно. Но это лишь зрительный обман, ничего не страшно, ведь отец рядом. Вот он снимает очки, улыбается, а вместо глаз вращаются два новеньких колеса...

— Ма, ну сжался, — кривлялся Митяй, — мне уже хрень всякая снится. Дай денег...

Мать не отвечала; она вяло собиралась на работу, натягивая за перегородкой колготки, похожие на старушечью кожу. На новые денег не было, да еще кредит надо было выплачивать за Митяев мопед. Этот мопед стал притчей во языцех для всех жителей секции, и не было того, кто бы не запнулся об его железо в потемках узкого коридора.

Зная, что мать в таком настроении не проймешь, Митяй, раздраженный и взлохмаченный, отправился на общую кухню покурить. Там он встретил тридцатилетнего мужчину в домашнем халате, который варил на газу яйца. Доцент философского факультета Ростислав Лейкин не ладил с Митяем. А Митяй, в свою очередь, ненавидел Лейкина. Ему не нравилось в доценте все — его пижонский халат, прилизанные волосы, яйца, которые тот варил, вкрадчивые интеллигентские замечания.

— Дмитрий, ты вроде бы взрослый человек, а смывать за собой так и не научился, — мямлил Лейкин, склонный к нравоучительным монологам.

Митяй, нервно куря в окно, на слова доцента не реагировал. Иногда только бурчал нечто невнятное, выдыхая с дымом еле слышное «мля». Спорить с Лейкиным было бессмысленно.

Однажды, на этой же самой кухне, Митяй оказался свидетелем философской беседы, которую вел Лейкин со своим университетским коллегой. Митяй по обыкновению жадно курил в окно. И вряд ли бы он стал слушать философский бред, приправленный словечками вроде «субстанция» и «карма», если бы не выражение, за которое уцепился его слух — Колесо Сансары. «В череде нескончаемых перерождений в Колесе Сансары существует лазейка к полному освобождению...» — запомнилась ему сюсюкающая речь Лейкина.

Лязгнула общая железная дверь — мама ушла. Допинав пару окурков из пепельницы, Митяй отправился разыскивать деньги.

Он обыскал все известные тайники — пустые кастрюли, шкафы, собрание сочинений Пушкина (листая, мельком прочел «беги, сокройся от очей...»). Заглянул под горшок с геранью, плюнул в горшок, пошарил рукой под матрасом, встал на стул, достал с полки фотоальбом, из которого посыпались, кружа, черно-белые фотографии, где он младенчески улыбается, разинув рот, где мама, молодая и красивая, купает его в ванне, а незнакомая тетя строит смешные рожицы...

Денег нигде не было.

Солнце больно слепит глаза. Митяй щурится на нелепый мир, привыкнув к затемненному шлему. Он стреляет сигарету у прохожего, реагирует на шелканье рекламных щитов, сторонится улыбчивых горожан, возбужденных очередным праздником. Каким — неизвестно. Высохшая глотка просит пива, руки болтаются, как веревки, ноги несут к пивному ларьку. Выпив холодного пива, Митяй словно обновился, повеселел, стал осматриваться. В сердце екнула нотка сочувствия к людской радости: «Че там, праздник — это тема. Шарик там всякие, карусели. А мне бы теперь догнаться, да на колесо у кореша занять — ваще было бы зашибись». Он достал сотовый и набрал приятеля.

— Здорово, брателло!

— Здорово, Митяй.

— Че, как сам?

— Нормально все, со своей гуляю.

— Понятно. Ты это... Бабосов не займешь на колесо? Меня это... со старой работы выгнали, а новую пока не...

— Извини, братишка. Бля буду, сам на мели, — отрубил приятель.

— А, ну ладно тогда, давай...

Митяй потемнел лицом, сплюнул на цветочную клумбу, ему стало нехорошо. Пиво закончилось, денег не было. Оставалось пойти домой, лечь на кровать, уткнуться лицом в подушку и уснуть — стать героем радужных сновидений с новенькими колесами и покемонами (он ни за что бы не признался, что видит во сне покемонов). Митяй не знал, кто виноват в том, что он так несчастен и одинок, и оттого бессмысленно пинал туфлей бетонную урну. Внимательный полицейский строго посмотрел на парня, и тот перестал.

Митяй, словно мертвец, брел среди пестрой толпы на звуки печальной музыки. Имея природный слух, он догадывался, что музыка не из динамика, а что где-то неподалеку играет живая скрипка. Через дорогу, у супермаркета, он увидел хрупкую нимфу в старомодных клешеных джинсах, опутанную светлыми волосами. Покачиваясь в такт старинной английской мелодии, она плавно водила смычком по струнам. Дети замирали от восторга, глазели на скрипку, но мамыши дергали их за тонкие ручонки и вели дальше. Митяй дважды проходил мимо нимфы, смешавшись с толпой, но вскоре пересилил себя и, когда девушка собирала выручку из чехла, приблизился к ней и сказал:

— Красиво! — И невнятно добавил: — Я люблю вас...

Нимфа улыбнулась. Время замерло. Здание супермаркета накренилось в раздумье: уничтожить теперь эту ошибку природы или посмотреть, что будет дальше. Деревья затрепетали листвой. Небо брызнуло солнцем. Ангел поставил здание на место.

— Вы, должно быть, несчастный человек, если так сразу любите, — пролепетала нимфа.

Митяй услышал лишь то, что давно хотел услышать от человека. Сморгнув ненужные слезы, он ответил:

— Такое в падлу говорить, но вы — не они. От вас музыка исходит. Я одинокий человек, и у меня нет денег на колесо. Я уже месяц не касался трассы и не держался руля.

— Так вам нужны деньги? — пропела нимфа и по-детски протянула кулак с мятыми бумажками.

— Не, я вас полюбил, а теперь деньги... — в страхе отшатнулся Митяй.

— Возьми, как у сестры, которая тебя пожалела, — нежно говорила она. — И когда будешь лететь по трассе — свободный, как ветер, навстречу первой звезде, — помни, что ты не одинок.

— Ма, ты спишь? Ма, дай денег на опохмел... — стонал Митяй.

Он упорно боролся с мыслью о потраченных в привокзальном кабаке деньгах, подаренных нимфой, но память неумолимо жалила его в больную голову. Он не помнил, как туда попал и с кем. Помнил только, что угощал малолетнюю путану беляшами и поил ее водкой.

— Ма, помираю... Ма... — не унимался Митяй. — Дай хоть полтос. Болею, Ма...

За перегородкой было темно и пусто. Ма не отвечала. Она умерла этой ночью тихо, во сне. В сердце что-то заклокотало, жизнь пролетела, как сонная муха, перед глазами — и стало темно.

Доцент Лейкин в разговоре с соседом высказал предположение, что женщина, вероятно, не выдержала утомительного вращения в Колесе Сансары и слепого натиска бытия.

Вскоре Митяй связался с добродушными мошенниками, ежедневно поившими его водкой и усыплявшими без того шаткую бдительность словами жалости и уверениями в крепкой мужской дружбе. Уже через месяц Митяй вынужден был поселиться у самого заботливого из них — подарившего заветное колесо, кормившего и поившего за свой счет, разве что не читавшего на ночь сказки. А еще через месяц парень оказался на улице, мыкаясь по старым знакомым, которые сторонились его, как чумного, и посылали куда подальше.

Митяй согнулся, осунулся, стал моргать левым глазом и питаться из мусорных куч. Память серела, узила, меркла, и уже не было сил и желания что-либо вспоминать из *той жизни*. Пообвыкнув, Митяй заметил, что он не один, что город наполнен такими же, как он, бродягами, до времени скрывавшимися в потайном ярусе жизни. Здесь были и поэты, и технари, и заядлые кулинары, готовившие замысловатые блюда из того, что иные сочли негодным или излишним. В *том мире* вещи были упорядочены и подчинены размеренному быту людей, а в *этом* — все хранилось в одной пестрой куче, которую можно не без удовольствия ворошить палкой и находить искомое. Куча одарила Митяя сенсорным телефоном, джинсами с модной дырой на коленке, футболкой с надписью «freedom» и много еще чем — годным для жизни. Митяй ежедневно ходил по намеченному маршруту, нацепив черный рюкзак, и на судьбу не роптал. В народе говорят: человек ко всему привыкает.

Как-то осенью, слоняясь по загородным пустырям, Митяй заметил на обочине трассы молодежную тусовку и вереницу хищно рычащих машин. Ему вдруг стало интересно, что бы это значило, и он подошел ближе.

— Вы кто? — спросил он у парня в темных очках, который стоял поодаль от компании и курил.

— Стритрейсеры, — добродушно усмехнулся тот. — Интересуешься?

— Да не, я просто... — Митяй с детским любопытством разглядывал яркие автомобили и красивых молодых людей, которым было хорошо вместе.

— Прокатиться хочешь? — весело предложил стритрейсер.

Митяй с недоверием покосился на него, ища в вопросе подвох, и отступил назад.

— Ты че такой трудный? Поедешь? Я серьезно! — удивился парень, и снял очки. В его серых глазах не было и намека на злую шутку.

Митяй смущенно кивнул: да.

— Хэй! Да у тебя новый пилот!.. — выкрикнула из толпы стройная девица в косухе, когда они садились в машину.

— Окстись! — бросил ей гонщик, и уверенно нажал на газ.

Машина взвыла и понеслась. В это же время сорвалась еще одна тачка, за рулем которой скалился бородатый соперник.

По сторонам желтели пустые поля. Мелькали деревья, столбы, пугливые птицы... Митяй жмурил глаза и чувствовал, как бешеная скорость сладко щекочет его сердце. Он представил, что уезжает навсегда-навсегда, далеко-далеко, прочь из этого города. Туда, где нет холодных сентябрьских ночей, людей и машин, насмешек и жалости... А гонщик поглядывал на оборванца, давил на газ и хрипло подпевал голосу, кричавшему из его мощных колонок: *«А ты катись колесо, катись колесо, катись отсюда, катись колесо... катись отсюда, и все»...*